

Леонова, с одной стороны, отличает художническое доверие к материальной, чувственно воспринимаемой стороне жизни. «Фирсов любил жизнь, острый ее и грубый запах, терпкую ее вкусовую горечь, ее ажурную громоздкость, самую ее мудрую бессмысленность любил. Его записная книжка с изуверством зеркала отпечатлевала всякую ничтожную мелочь, и все в ней было чудом, не повторяемым никогда. Чудом была трава на Благушинской мостовой и тополевы пух, порхавший в тот месяц над городом; чудесен был даже крик петуха, ничему не удивлявшегося»⁹. — Это о писателе Фирсове, одном из героев романа «Вор» и alter ego автора.

Молодой писатель смотрит на окружающее глазами восхищенного первооткрывателя, вдруг и радостно осознавшего свою причастность к миру земному. С годами романтическое преклонение перед чудом жизни во всех ее проявлениях сменилось проникновенным ее исследованием. Но сама потребность воссоздать предмет в том виде, как он является миру, осталась в нем навсегда. В 1960 г. в беседе о литературном мастерстве Леонов, говоря о разных творческих манерах и о писателях, наиболее ему близких, в частности отметил: «У Горького я люблю также потрясающую точность описаний, почти гравюрную четкость в изображении натуры»¹⁰.

Однако само описание предмета изображения, поражающее реалистической точностью и живописностью, не исчерпывает содержание леоновского образа и составляет его внешний рисунок. Источник же внутренней жизни и развития образа заключен в авторском слове, которое словно изнутри высвечивает его глубинный смысл. Авторское присутствие совершает естественное, и потому почти неуловимое, передвижение образа из ряда его реальных жизненных проявлений в ряд общих нравственно-философских понятий.

Двуединость, лежащая в основе леоновского образа, угадывалась критикой еще в раннем творчестве писателя. Но принималась она за несовместимые и даже противоборствующие стилистические тенденции, которые скрестились внутри его творчества. При этом отдавалось предпочтение реалистическому дару писателя воспроизводить явления жизни в их подлинности. Вот, например, характерные высказывания о раннем Леонове: «Нервозность, напряженность, беспокойное стилизаторство Леонова — поверхностны. Стоит хоть немного пристальней вчитаться в него, чтобы увидеть спокойную отданность художника окружающей действительности»¹¹. «Думается, что у Леонова есть одно основное противоречие: в нем художник спорит с мыслителем»¹².

Тенденция, связанная с философичностью и напряженностью стиля, казалась поверхностной и преходящей в творчестве молодого писателя. В то время, вероятно, трудно было предугадать, что стилистические пробы в большой степени отразили интенсивные поиски писателем форм выражения авторского отношения к изображаемому. Не все в этих поисках оказалось плодотворным, иногда заведомо носило характер литературного эксперимента и в дальнейшем ушло из творчества писателя (например, стиль туманных намеков и иносказаний, придававших повествованию ложную многозначительность, или элементы абстрактной романтизации). Однако «отданность художника окружающей действительности» так и не стала «спокойной», ибо несла на себе не только не скрываемую, но с каждым новым произведением все более явственную печать авторской оценки этой действительности. «Художник» не победил в Леонове «мыслителя». Наоборот, писатель стремился найти путь к их надежному и дол-

⁹ Леонид Леонов. Вор. М.—Л., Госиздат, 1928, с. 202.

¹⁰ Бать Л. Леонид Леонов о литературном труде.— «Вопросы литературы», 1960, № 2, с. 186.

¹¹ Горбов Д. Леонид Леонов.— «Новый мир» (М.), 1928, кн. 10, с. 219.

¹² Воронский А. Леонид Леонов.— «Красная новь» (М.), 1924, кн. 3 (20), с. 304.